

¹ См. *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии. М., 1977; *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; *Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии. Кризис функционализма. М., 1986.

² *Naumann H.* Primitive Gemainschaftskultur. Jena, 1922. S. 517.

³ См. *Village India: Studies in the Little Community.* Chicago, 1955.

⁴ *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. Т. 1. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. М.; Л., 1929. С. 4—5, 64—65.

⁵ *Schmidt M.* Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftlehre. Bd 1. Stuttgart, 1920; Bd 2. 1921.

⁶ *Kocke J.* Some Early German Contributions to Economic Anthropology//Research in Economic Anthropology. V. 2. Greenwich, 1979.

© 1995 г., ЭО, № 4

Н. Н. Кулакова. Гаитийцы: формирование этноса (колониальная эпоха). М., 1993. 169 с.

Гаитянский этнос принадлежит к числу наиболее изученных в Вест-Индии. Этнографы, историки, религиоведы, литературоведы, лингвисты, политологи, фольклористы, экономисты — все они находят в этой небольшой стране нужный им материал и создают на основе его все новые и новые работы. Неудивительно: прошлое, да и настоящее Гаити поистине неповторимо, и множество написанных об этой стране книг никак не исчерпывает тех возможностей, которыми богаты все стороны жизни этого государства как в далекие, так и в близкие к нам времена.

Как и большинство Вест-Индских островов, Гаити сначала подвергся испанской колонизации, затем — французской, потерял свое индейское население, затем на его берегах, отнюдь не по своей воле, появились африканцы. Их трудом были созданы все богатства острова, и не только материальные, но и духовные, ибо именно в их среде возникла неповторимо своеобразная культура со своим языком, фольклором, сложной системой верований, оказавшая огромное влияние на тот комплекс, который мы имеем в виду, когда говорим о национальном своеобразии гаитянского народа.

Но это еще не все. По перечисленным параметрам ощущается довольно близкое родство с франкоязычным населением других островов архипелага, сюда можно включить и те, что прошли в своей истории «французский этап», оставивший заметные следы в их этнокультурной характеристике вплоть до сегодняшнего дня.

И в то же время Гаити выделяется такими особенностями своей истории — и, так сказать, «общей», и этнической, — которые разительно выделяют остров даже в том бесконечно разнообразном мире, каким является Антильский архипелаг. Прошлое его изобилует восстаниями рабов, но только на Гаити — единственный раз! — оно оказалось победоносным. Только на Гаити, впервые в Латинской Америке, было создано независимое государство. Ничего подобного ни на одном из островов Вест-Индии не произошло. Тот путь, на который таким образом вступили гаитяне, стал поистине уникальным и, следовательно, не мог не привлечь внимания многочисленных исследователей.

Из сказанного выше возможен вывод, что Н. Н. Кулаковой работать было нетрудно, ибо она могла опереться на огромный объем написанного ее предшественниками. На самом деле это не так. При всем объеме исследований на гаитянский тему этноисторическая проблематика не получила в них достаточного освещения. А самое главное — белым пятном осталась проблема истоков, проблема происхождения и формирования гаитийского этноса в колониальное время. Надо ли говорить, что без выяснения этого комплекса вопросов невозможно должным образом понять и истолковать специфику исторического развития народа Гаити на протяжении всего его исторического пути.

Но выявить проблему, даже самую актуальную, еще не значит решить ее.

Необходимо было установить, чему уделить преимущественное внимание, в каких сферах наиболее отчетливо запечатлены те процессы, анализ которых может дать наиболее достоверный ответ на стоящие перед автором вопросы.

Должен сказать, что Н. Н. Кулакова успешно справилась с этой непростой задачей. И в соответствии с теми выводами, к которым она пришла, построена и ее книга, состоящая из трех глав. Каждая глава посвящена одному из важнейших факторов, дающих в сумме тот сплав, на основе которого и сформировался гаитийский этнос. Это, во-первых, социально-экономическая эволюция острова как условие этнокультурного развития, а также социальная интеграция негритянской общности в период рабства, рассмотренная как объективная предпосылка этнической консолидации. И наконец, это — основные компоненты духовной культуры и этнического самосознания, рассмотренные в их динамике, в развитии.

Свою задачу я вижу не в пересказе содержания каждой из трех глав. Мне хотелось бы подчеркнуть в них те моменты, где наиболее ярко аргументирована мысль автора, наиболее обоснованы выводы, и выразить свое с ними согласие или несогласие.

В первой главе Н. Н. Кулаковой удалось, я считаю, убедительно проанализировать материал, показать основные моменты социально-экономического развития острова, умело связав их с непосредственно этнографической проблематикой.

В главе второй хотелось бы выделить моменты, связанные с формированием освободительных традиций у рабов.

Небольшой по объему, но чрезвычайно емкий раздел о межплантационных контактах негров представляет чрезвычайный интерес. Материал этого плана встречается, к сожалению, чрезвычайно редко: в поле зрения исследователей попадает только то, что стало достоянием плантаторов или колониальной администрации. Само существование подобных связей позволяет прийти к выводу, что этносциальная атмосфера Гаити была гораздо многообразнее, чем сложившиеся о ней традиционные представления.

Здесь хотелось бы обратить внимание на такой аспект, как обнаруженные в нескольких колониях «братство по кораблю» — своеобразные отношения между рабами, совершившими переезд в Америку на одном и том же корабле. Сейчас мы располагаем соответствующими данными по испанским колониям (Куба), британским (Ямайка), португальским (Бразилия). По французским же (и голландским) владениям данных пока нет. Тщательная проработка источников, выполнения Н. Н. Кулаковой, свидетельствует в пользу того мнения, что по каким-то неизвестным нам причинам «братства» в колониях Франции не возникли (или во всяком случае остались не замеченными исследователями). Интересно было бы поразмыслить о том, какие особенности социальных механизмов сыграли здесь свою роль.

И еще один момент, также связанный со спецификой именно французских владений. Я имею в виду маронажа, которому Н. Н. Кулакова также посвящает ряд страниц своей работы. Насколько можно судить по ее книге, в условиях Гаити это прежде всего бегство, а не вооруженная борьба, характерная для марунов из британских или симарронов из испанских колоний. Правда, есть одно исключение — Баоруко (с. 101—102) — поселение именно тех беглых рабов, которые защищали свободу с оружием в руках. Этот довольно хорошо известный эпизод истории Гаити всегда привлекал внимание передовых людей страны. Автору этих строк в свое время рассказывал о нем выдающийся ученый, писатель и общественный деятель Гаити Жак-Стефан Алексис (1922—1961), посетивший Ленинград незадолго до своей безвременной гибели.

Все это вызывает закономерный вопрос — чем объясняется именно такой характер маронажа на Гаити? Связано ли это с особенностями рельефа, дающими не очень большие возможности для создания сети маронских баз? В этой связи стоит вспомнить, что Баоруко была расположена на самой границе испанских владений, и это давало ее обитателям дополнительный шанс для маневра (хотя, с другой стороны, позволяло и преследователям объединять свои силы).

Возможно, есть здесь и другое объяснение — социального характера, — еще ждущее своего «открывателя». Ведь потенциал освободительной борьбы у гаитянских рабов был достаточно высок, что получило подтверждение в ходе революции конца XVIII — начала XIX в.

Мы видим, таким образом, что в книге Н. Н. Кулаковой не только исследованы основные проблемы важного периода этнической истории Гаити, но сам этот процесс исследования будит мысль, стимулирует дальнейшие поиски и указывает их направление.

Уже говорилось, что в главе третьей рассматриваются вопросы развития духовной культуры. Особо отметил бы первый ее раздел — о языке. Надо сказать, что до знакомства с работой Кулаковой у меня были сомнения в том, является ли креоль языкком или все же это диалект. Н. Н. Кулакова убедила меня, и я присоединяюсь к ее мнению, что креоль не диалект, а язык. Проблемы креоля рассмотрены в работе очень детально.

Таким образом, мы убеждаемся, что комплексные методы исследования, использованные при создании рецензируемой работы, дали плодотворные результаты.

И это же можно сказать о следующем разделе, посвященном религии *вудуизм*, где дана не только убедительная характеристика этого культа, но — что крайне важно — показана и консолидирующая его роль в среде рабов. Знакомясь с этим разделом, отчетливо понимаешь, почему вуду не только уцелел до нашего времени, но продолжает оказывать огромное влияние на жизнь современного Гаити.

Очень уместным считаю и обращение Н. Н. Кулаковой к проблеме фольклора, которому также принадлежала важная консолидирующая роль в формировании гаитийского этноса.

И наконец, последний раздел третьей главы — об этническом самосознании (с. 135—151). Здесь, как и в ряде других разделов, у автора практически не было предшественников. Хорошо, что Н. Н. Кулакова привлекает обширный материал, связанный не только с колониальным временем, но и с периодом революции и строительства независимого государства Гаити. Развитие этнического самосознания дано в динамике, мы видим не только первые его ростки, но и результаты развития. Это очень важно.

Подводя итоги, следует отметить, что Н. Н. Кулакова выполнила глубокое исследование, содержащее много новых и оригинальных мыслей. Выводы в книге звучат убедительно, они хорошо аргументированы.

Впечатляет также обширный круг источников и литературы, перечень которых занимает 11 страниц (с. 157—168) и включает почти 200 единиц. Особенно интересны здесь указания на ранние отечественные работы по гаитянской тематике (начиная с книги «Описание острова Санкт-Доминго...», М., 1793). Этот список, однако, можно было бы увеличить. Во-первых, за счет книги «Креолка и европеец» (1839), посвященной восстанию рабов на Гаити и переведенной с голландского совершенно сейчас забытым писателем П. А. Корсаковым (1790—1844); писателя же этого стоит вспомнить не только потому, что он стоял у истоков русско-нидерландских связей, но в связи с тем, что был знаком с Пушкиным. С другой стороны, следовало бы использовать и некоторые не упомянутые автором отечественные публикации 80-х — 90-х годов.

Указанные работы позволили бы еще в большей степени подтвердить слова Н. Н. Кулаковой о том, что «революционные события в Сан-Доминго довольно подробно освещались в русской печати того времени» (с. 18) и увеличить число приведенных ею примеров.

А. Д. Дридзо

* Файнштейн М. Ш. «...Оставит имя свое в летописях нашего времени» // Латинская Америка. 1984. № 9. С. 117—132; *его же*. По следам одного литературного сюжета // Там же. 1991. № 6. С. 74—78, 105.